

стрелами» не кажется убедительным (Новгородова, 1984. С. 98–100). Д.В. Черемисин приводит пример, когда «на памятнике Кара-Оюк на юго-востоке Российского Алтая зафиксировано включение стилизованного «клювовидного» оленя в сцену, где в него стреляет лучник, удерживающий лошадь за повод» (Черемисин, 2012. С. 312). Впрочем, вопрос, одновременно ли со стилизованным оленем появился на скальной плоскости этот лучник, и сразу ли он «взял под уздцы» лошадку, так и остается без ответа (рис. 1, 4). Кроме того, манеры изображения фигурок охотников на стилизованных оленей заметно различаются между собой даже в рамках одной композиции (см. рис. 1, 1).

Идеальным способом определить, какие именно из наскальных изображений охотников на стилизованных оленей синхронны своим объектам охоты, и синхронны ли они вообще, стало бы открытие среди гравировок на поверхности оленных камней небольших антропоморфных фигурок с луками в руках. Но на стелах, за одним-единственным исключением, никаких антропоморфных изображений нет (рис. 1, 5). Однако путь сравнения наскальных сцен охоты на стилизованных оленей с рисунками на оленных камнях нельзя признать полностью тупиковым. Правильный спо-

соб получения даты наскального изображения методом аналогий – это сравнение одного рисунка с другим, «а не с реальной вещью – оружием, животным, повозкой или чем-то еще» (Варенов, 2018а. С. 35). Поэтому для датировки оружия охотников на стилизованных оленей так важны встречающиеся на оленных камнях изображения луков с наложенной на тетиву стрелой. Эти луки все однотипные – сигмовидной формы, с загибающимися вперед на концах кибиты рогами (рис. 1, 6).

У стрелка в сцене охоты с реки Чулуут (Монголия) лук именно сигмовидный, как и на оленных камнях (рис. 1, 3). Такие особенности иконографии чулуутского лучника, как «профильное» изображение направленных в одну сторону ступней широко расставленных ног, дополнительное снаряжение на поясе (колчан? налучье?) и, возможно, отчетливо выраженный признак мужского пола (?) следует рассматривать в качестве вероятных хронологических маркеров «эпохи оленных камней монголо-забайкальского стиля» для других наскальных изображений воинов и охотников. Для всех не похожих на лучника с р. Чулуут охотников на стилизованных оленей верхняя граница возраста последних окажется *terminus post quem*.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18–09–00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

Список литературы

Варенов А.В. О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленей в «стиле оленных камней» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 4: Востоковедение. С. 30–39. DOI 10.25205/1818–7919–2018–17–4–30–39.

Варенов А.В. Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 10: Востоковедение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818–7919–2018–17–10–9–29.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые пробле-

мы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 384 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.

Черемисин Д.В. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 609–614.

Черемисин Д.В. Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 310–315.

МЕНГИРЫ НА ПАМЯТНИКАХ ГОРНОЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2020 г. В.Д. Викторова (viktorova1108@yandex.ru)

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, РФ

Аннотация. В статье обобщены результаты последних 20 лет работы на археологических памятниках горнолесной полосы Среднего Зауралья. Объект исследования – менгиры эпох энеолита, бронзы, раннего железа. Определено их местонахождение, форма, размеры и назначение.

Ключевые слова: менгир, эпохи энеолита, бронзы, раннего железа.

Менгиры – специально изготовленные и вертикально поставленные камни из гранита, обнаружены в последние 20 лет в южной части Верх-Исетского гранитного массива (озерный край истоков р. Исети) на памятниках трех эпох – энеолита, бронзы и раннего железа.

Стоячие камни сопровождали мегалитические сооружения, появившиеся в горнолесном крае Среднего Зауралья в эпоху энеолита. У камней параллельные

боковые грани, прямоугольное сечение размером 25–30×15–18 см, округлой формы вершина.

Вотивный камень высотой 30 см у южного входа в Романовский тоннель стоял в окружении гранитных фигур, преимущественно, в виде голов медведей. Это скопление изделий размером 55×60 см было ограничено каменными плитками, высотой до 20 см, поставленными вертикально. По углю из завала гранитных фигур получена калиброванная дата – 3540 ±90 л. (Л9–9049).

Рисунок 1.
Вотивный менгир;
тоннель Романовский, эпоха энеолита

Рисунок 2.
Менгир у основания горы с памятником
Верхняя Макуша, эпоха бронзы

Рисунок 3.
Менгир у основания цисты кочевников,
ранний железный век

Рисунок 4.
Менгир с вершины Шитовского кургана

Менгиры высотой от 1,2 до 1,6 м стояли у оснований или по склону гор с дольменами, верховыми, низовыми тоннелями и святилищами на вершинах гор. По склону горы Романовский 2 дольмен окружали три менгира, один камень стоял у входа в камеру. Памятник датируется 2945–2358 л. BC – 91,7% (СОАН-7443). Менгиры стоят у основания Шитовского 6 дольмена (3031–2475 л. BC, 65,6%, СОАН-7440), у верховых тоннелей – Лунного (2581–2344 л. BC, 67%, СОАН-7444), Анисимова, Чертово городище, у святилищ на вершинах гор – Сагра 2, Северское, Змеиногорское.

Вертикально стоящие камни на острове Каменные палатки (памятник Палатки I) с трех сторон ограждали древнюю каменоломню. Западный менгир высотой свыше 1 м был сброшен на склон. Два других камня сохранились в стоячем положении. У них параллельные грани, плоские вершины. Вероятно, был какой-то смысл в том, что камни по длинной оси вершин были ориентированы с запада на восток. Очевидно, что работа на каменоломне по изготовлению шлифовальных плит, зернотерок и менгиров началась еще в эпоху энеолита и продолжалась в эпоху бронзы. У основания южного менгира высотой 90 см сохранились следы ритуального огня (1850–1772 л. BC, 55,6%, СОАН-5783). Вероятно, начало работы на каменоломне или ее завершение отмечали у менгира мастера коптяковской культуры эпохи бронзы. У северного менгира высотой 68 см обряд происходил позднее (1414–1289 л. BC, 68,2%, СОАН-5782).

В раннем железном веке (V–III в. до н. э.) наличие менгиров – признак появления с Южного Зауралья металлургов иткульской культуры Иткульского металлургического очага, обслуживающего изделиями из меди кочевников Южного Урала и медными слитками население Прикамья и таежных охотников Северного Зауралья. Цепочка менгиров различной высоты протянулась от основания Большой горы до Большегорского городища на ее вершине. Один из объектов был двойным менгиром высотой свыше 1 м.

Невысокий менгир установлен у входа в основное святилище металлургов, расположенное на верхней площадке Западной гряды (памятник Вершина I-1) острова Каменные палатки. По центру площадки стоял крупный (в профиле 40×20 см), высотой 1,2 м менгир с округлой вершиной. У его основания сохранились следы костра, медный наконечник стрелы, медные шлаки, раздавленные сосуды иткульского типа. Второй подобный менгир, вероятно, стоял на небольшой площадке гранитной вершины, прямо над первым менгиром, а затем был повален. В пределах памятника Вершина I обнаружено еще несколько, вероятно, семейных культовых мест, включающих менгир, прокаленную супесь у его основания, фрагменты иткульских сосудов и различные жертвоприношения. На первой ступени горы (памятник Вершина I-3) – дары в виде скопления кварцевых отщепов (44 экз.), на второй ступени (памятник Вершина I-2) – дары в виде скопления медных капель (12 экз.). Погребальный или поминальный обряд население иткульской культуры проводило у южного входа в низовой тоннель

Палатки I, расположенный у основания острова Каменные палатки. Следы обряда сохранились в виде поваленного у входа менгира, прокала и керамики иткульского типа.

В конце I тыс. до н. э. в лесостепи Зауралья появились кочевники с восточного побережья Каспийского моря. Для захоронения элитной части своих сородичей они выбрали каменные холмы в долине, неподалеку от острова Каменные палатки (памятник Палатки IV). Для обустройства каменных ящиков – цист и изготовления менгиров на невысокой гряде, ограничивающей ложину с запада, использовалась каменоломня, охраняемая с восточной стороны менгиром. На шести холмах были установлены цисты, у основания которых поставлены менгиры высотой от 1,3 до 2,2 м. Вершины стоячих камней обломаны. Рядом с менгирами на холмах 1 и 2 в слое прокаленной супеси расчищены сгоревшие деревянные ковши. На одном из холмов находились захоронения менгиров малых размеров (0,8–0,9 м) с округлой вершиной. У основания этих захоронений найдены остатки сгоревших деревянных емкостей и каменная обкладка мест, где первоначально стояли эти менгиры. Радиоуглеродные даты по углю от сгоревшего ковша и с прокалов у основания менгиров позволяют установить время сооружения некрополя – 120 л. BC 9296, СОАН-5790; 114 л. BC, 93,5% СОАН-5789; 24 г. BC, 95%, СОАН-5788.

Менгиры стояли (теперь лежат) у разграбленных погребений некрополей времени Великого переселения народов (окраина г. Исеть и гора Семи братьев).

По форме несколько выпадают из очерченных выше стоячих камней два менгира – у подножия святилища на скале Змеиного увала и на вершине Шитовского кургана. Это камни высотой 1,2–1,4 м имеют стреловидную форму.

На основании археологического и этнографического материала можно сделать следующее предположение о функции менгиров с памятников горнолсного Зауралья.

С эпох камня – раннего металла и до исторической этнографии (Карьялайнен, 1995) все живые и неживые природные и рукотворные предметы одушевлялись. То есть, каждый менгир содержал душу.

Есть основания считать, что при погребальных обрядах в менгирах, по представлениям древнего населения, могли заключаться души умерших сородичей (Викторова, 2010. С. 107–108). При сопоставлении времени сооружений тоннелей и дольменов первоначально население липчинской культуры эпохи энеолита (вторая половина IV тыс. до н. э.) погребало своих сородичей высокого социального статуса в тоннелях. И в маленьком стоячем камне южной части Романовского тоннеля могла быть заключена душа весьма почитаемого умершего сородича. Лишь впоследствии, с III тыс. до н. э., население эпохи энеолита для умерших персонажей подобного статуса стало сооружать дольмены.

Менгиры у основания цист с погребениями кочевников раннего железного века могли олицетворять души знатных воинов. А захороненные малые менгиры – души их детей.

Вторым назначением душ менгиров могла быть защита дорог к городищу, поселению, культовым местам и охрана границ древних каменоломней.

Список литературы

Викторова В.Д. Загадки Верх-Исетского гранитного массива // Вестник УрО РАН. Наука, Общество. Человек. 2010, № 4 (34). С. 107–117.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Томск, 1995. 231 с. / Лукина Н.В. Перевод с немецкого издания 1922 г.